идею произвести, выговорить словами, то выйдет ужасно глупо» (455); «Другие так спорят, просят, торгуются чтоб больше дали; эта нет, что дадут...» (444—445); «...вещица так себе, любительская, но у нас опять-таки ничего не стоющая, потому что мы только золото» (445); «Молодость всегда хоть капельку и хоть в кривую сторону да великодушна. То есть я ведь про нее, про нее одну» (448); «Я запер кассу и направился к теткам. С ними я с самой свадьбы прервал — ни их к себе, ни сами к ним» (456); «Затем всю дорогу до дома ни слова» (459).

Для текста «Кроткой» закономерно нетипичны такие, например, характерные для а в т о р с к и х повествовательно-психологических контекстов того же Достоевского, «отработанные» в литературно-письменной речи синтаксические построения, как фразы с «субъективным» порядком слов (с выдвижением ремы на первое место), символически изображающие состояние встревоженности, волнения — ср.: «С необыкновенным любопытством подходил он проверить свою догадку» (И., 180) [7]; «В смертной тоске ожидал он ответа» (И., 102); «Испуганными расширенными от страха зрачками глаз впилась она в него неподвижно» (Б. К., 72); «Страшная, неистовая злоба закипела вдруг в сердце Мити» (Б. К., 117); «Ужас прошел по сердцу Сони» (П. и н., 333). Мы не встретим в тексте «Кроткой» развернутых, осложненных симметрией, ритмизованных построений, свойственных определенным типам авторской речи Достоевского,— ср.: «Необъяснимым холодом веяло на него всегда от этой великолепной панорамы; духом немым и глухим полна была для него эта пышная картина...» (П. и н., 95—96); «Свежая и тихая до неподвижности ночь облегла землю. Белые башни и золотые главы собора сверкали на яхонтовом небе. Осенние роскошные цветы в клумбах около дома заснули до утра. Тишина земная как бы сливалась с небесною, тайна земная соприкасалась со звездною...» (Б. К., 40) [8].

Но вместе с тем разговорная в своей основе речь рассказчика «Кроткой» — синтаксически неоднородна, в ней обнаруживаются «синтаксические слои», обусловленные композиционно-тематическим членением текста.

Самый процесс изучения синтаксической композиции художественного текста состоит из этапов постепенного и последовательного «снятия покровов со структуры», если применить здесь метафору В. В. Виноградова. Весь текст подвергается предварительно расчленению на композиционно-тематические отрезки — «композиционные типы речи», соответствующие каждый какому-либо одному способу или ракурсу художественного изображения. Последующий затем анализ синтаксиса групп отрезков текста, относящихся к одному и тому же композиционному типу речи, позволит в принципе представить достаточно объективную картину синтаксического строения данного текста как художественного целого. Синтаксический анализ при этом оказывается, с одной стороны, подчиненным «литературоведческому» расчленению текста на композиционно-тематические отрезки; с другой стороны, он имеет самостоятельное, собственно лингвистическое, значение, для наших целей основное. Подход к синтаксису в аспекте «синтаксической композиции» требует, естественно, разработки системы соответствующих обозначений и терминов.

Если обратиться вновь к рассказу «Кроткая», то обнаружим, что архитектонику этого произведения составляет перемежающееся сцепление двух композиционных типов речи: 1) отрезков текста, изображающих душевное состояние рассказчика в «сиюминутный момент», «сейчас», во время произнесения монолога и 2) отрезков повествовательных, рассказывающих, «как это было». В пределах повествования выделяется еще и третий

[7] Цитаты по указанному выше изданию произведений Достоевского: т. V, «Преступление и наказание» (П. и. н.); т. VI, «Идиот» (И.); т. X, «Братья Карамазовы» (Б. К.).

[8] См. указанную выше нашу статью, стр. 427—428.